

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избежать докучных вопросов; но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону, и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты», — сказал он мне сухо: «без них обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, повидимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так» — сказал он мне с довольным видом; «худой мир лучше доброй ссоры, а и не честен, так здоров.»

«Что, что, Иван Игнатьич?» — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты: «я не вслушалась.»

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

«Иван Игнатьич» — сказал он — «одобряет нашу мировую.»

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

«Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.»

— За что так?

«За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.»

Нашли, за что ссориться! за песенку!... да как же это случилось?